

10. Мальдзіс А.І. І ажываюць спадчыны старонкі : выбранае / А.І. Мальдзіс. – Мн. : Маст. літ., 1994.
11. Нікалаеў М.В. Палата кнігапісная. Рукапісная кніга на Беларусі ў X–XVIII стагоддзях / М.В. Нікалаеў. – Мн., 1993.
12. Полное собрание русских летописей. Т. 17: Западнорусские летописи. – СПб., 1907. – С. IV.
13. Розов Н.Н. Книга в России в XV в. / Н. Н. Розов. – Л., 1981.
14. Саверчанка І. Aurea mediocritas. Кніжна-пісьмовая культура Беларусі : Адраджэнне і ранняе барока / І. Саверчанка. – Мн., 1998.
15. Сапунов Б.В. Книга в России в XI – XIV вв. / Б.В. Сапунов. – Л., 1978.
16. Сборник Мухомова. – М., 1836.
17. Статут Вялікага княства Літоўскага, 1588. Тэксты. Давед. Камент. – Мн., 1989.
18. Улащик Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания / Н.Н. Улащик. – М., 1985.
19. Baliński M. Pisma historyczne. Pamiętniki o królowej Barbarze. Cz. 1. – Warszawa, [1837].
20. Brückner A. Ein weißrussische Codex miscellaneus der Gräfllich-Raczyński'schen Bibliothek in Posen / A. Brückner // Archiv für slavische Philologie. – № 9. – Berlin, 1886.
21. Niemcewicz J. Zbiór pamiętników historycznych o dawnej Polsce z rękopismów, tudzież dzieł w różnych językach o Polsce wydanych oraz z listami oryginalnemi królów i znakomitych ludzi w naszym kraju : w 4 t. / J. Niemcewicz. – Warszawa, 1822. – Т. 1.
22. The Byelorussian Tristan / transl. by Zora Kipel. – New York ; London, 1988.

ПЕВЧЕСКИЕ СБОРНИКИ В БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЕ ПЕРИОДА ПОЛОЦКОГО КНЯЖЕСТВА

Густова Лариса Александровна, кандидат искусствоведения, доцент Белорусского государственного университета культуры и искусств

 древнебелорусской культуре большое место занимали церковно-литургические книги. В медиевистике стало аксиомой утверждение, что “древние русичи очень ценили книгу и книжную мудрость” [7, с. 3]. Изучению древнебелорусской книжности посвятили свои исследования как отечественные ученые (Л. Левшун), так и зарубежные (Н. Николаев, Ю. Лабынцев и др.). Л. Левшун изучает теоретические аспекты восточнославянской средневековой церковной книжности, ее онтологические признаки, жанровую систему, основные методы художественного творчества [7]. Л.В. Левшун и ввела термины “книжность” и “книжное слово” [7, с. 3], подчеркивая отличие этих понятий от

термина “литература”, и утверждая, что термином “книги” в Средневековье обозначались “именно писания церковно-литургического и церковно-назидательного характера [7, с. 4]. Ю. Лабынцев изучает молитвенную поэзию святителя Кирилла Туровского [5; 4], Н. Николаев – белорусские рукописные книги X–XVIII вв. [10]. Принимая во внимание типологию древнерусской культуры, необходимо обратить внимание на исследования, посвященные древнерусской книжности. Это работы Д. Лихачева, посвященные поэтике древнерусского книжного слова и Ю. Лотмана, посвященные теоретическому анализу структуры древнерусского стиха [8; 7]. Наиболее ценной для наших исследований стали работы Н. Заболотной, посвященные изучению богослужебно-певческих рукописей Киевской Руси, в частности домонгольского периода. Н. Заболотная анализирует певческий кодекс древнерусской культуры, жанровый состав рукописей бытовавших в церковно-богослужебной культуре XI–XV вв., принципы их построения, нотацию, сравнивает бытовавшие в раннем русском Средневековье богослужебные уставы, а также сочетание устных либо письменных элементов в богослужебном пении [2].

А.В. Конотоп свое диссертационное исследование посвятил изучению Супрасльского ирмологиона 1598–1601 гг., который хранится в Центральной национальной библиотеке г. Киева. На основе древнейшей белорусской нотолинейной рукописи А. Конотоп проследил пути транспозиции знаменного распева в белорусской певческой традиции [4].

Изучением богослужебно-певческих книг белорусской традиции, которые были созданы в XVI–XVIII вв. занимались украинские ученые Е. Шевчук и Ю. Ясиновский [11; 12; 13; 14]. Е. Шевчук обращает внимание на известные памятники церковной книжной культуры XVI–XVII вв., записанные как знаменной, так и линейной нотацией [11]. При анализе певческих рукописей Е. Шевчук выделяет киевский и так называемый ею киевско-литовский распев из множества напевов и изучает их особенности. Ю. Ясиновский выявил белорусские и украинские нотные¹ Ирмологионы XVI–VIII вв., находящиеся в музеях и частных коллекциях по всему миру, и предложил их типологический анализ [12; 13; 14].

В белорусском искусствоведении изучением белорусских рукописных ирмологов, которые находятся на хранении в Национальной библиотеке Республики Беларусь занималась Л.Ф. Костюковец, которая представила типологический и жанровый анализ данных сборников [3].

Из приведенного анализа исследований древнебелорусской церковно-певческой книжности вытекает, что в сфере интересов белорусских, украинских и российских ученых решались проблемы, связанные с историей и теорией древнебелорусской книжности, с поэтикой древнебелорусского книжного слова, а также изучались нотолинейные богослужебно-певческие сборники XVI–XVIII вв. их и музыкальный материал.

Целью предлагаемой работы стал типологический анализ богослужебно-певческого кодекса древнебелорусской культуры периода Полоцкого княжества и древнерусской культуры Киевской Руси, обозначение места богослужебно-певческих рукописей Полоцкого княжества в богослужебном цикле, атрибутация ненотированных рукописей певческими и периодизация появления рукописных богослужебно-певческих книг в древнерусских и древнебелорусских княжествах.

Христианская культура в Полоцком княжестве развивалась по византийскому образцу, также как и в древнерусских княжествах. Степень политической зависимости Полоцка от Киева не влияла на степень церковно-административной зависимости. Епископы полоцкие ставились из Киева, и подчинялись через киевского епископа Константинопольскому патриарху.

В церковном богослужении использовались типичные певческие сборники, которые привозились в Полоцкое княжество из Киевских монастырей. В Полоцком княжестве образовывались культурные центры, где бытовали книги, где были основаны школы, библиотеки и скриптории, стали монастыри и городские церкви. Это – Полоцкий Софийский собор (XI в.), Спасо-Преображенская церковь в женском монастыре в местечке Сельцо (XII в.)², Бельчицкий Борисо-Глебский монастырь (нач. XII в.), Благовещенская церковь в Витебске (XII в.), Борисо-Глебская церковь в Каложье (XII в.) [1, с. 56].

Самая древняя (и единственная) сохранившаяся рукописная книга древней Белой Руси – пергаменное Туровское Евангелие XI века. Певческие же рукописные памятники исследуемого периода не сохранились. Древнейшие певческие рукописи – Кондакари, которые датируются XI–XIV вв. найдены на территории России, их до сих пор не удается расшифровать из-за отсутствия теоретических рукописей к ним [1, с. 60]. Первые известные исследователям практические руководства по пению назывались Подобники.

В Полоцкое княжество привозились те богослужебные книги, которые использовались в церковно-монастырском быту, складывавшимся под воздействием Типикона, Кормчей и жизненных условий [1, с. 61]. Это были: Студийско-Алексиевский Устав, Евангелие и Апостол (типа полного апракоса), Паремийник, Псалтирь (с разделением на антифоны, с припевами песенного последования и с библейскими песнями), Евхологион (Служебник и Требник), певческие сборники: Ирмолог, Праздники, Трезвоны, Минеи служебные, (Постная и Цветная), Октоих изборный, Параклитик, Часослов, Пролог или Синаксарь, Подобник, Стихарь, Кондакарь [6, с. 79]. Самые древние из них, по свидетельству св. Кирилла Туровского – Евангелие, Апостол, Паремия, Псалтирь [6, с. 79]. В древних певческих книгах: Ирмологий, Праздники, Минеи, Триоди, Подобник, Стихирарь содержалась гимнография годового богослужебного круга. Богослужебные песнопения были распеты столповым знаменным распевом. Все песнопения этих книг были переведены на славянский язык только к XIII

веку, хотя и после XIII века в некоторых епархиях правый хор пел на славянском языке, а левый – на греческом.

В монастырях Полоцкого княжества богослужения совершались по Студийско-Алексиевскому Уставу, как и во всех православных славянских монастырях. В кафедральных соборах службы совершались по Песенному последованию Великой церкви – храма св. Софии в Константинополе. С XIII по XV вв. Студийский Типикон постепенно вытесняется Иерусалимским [1, с. 62].

В ранней Православной Церкви на Руси бытовал огромный круг канонических песнопений. За три столетия прошедших после Крещения Руси произошел необыкновенный расцвет певческого искусства мастеров-певчих в ее монастырях и храмах. Свидетельством тому являются сохранившиеся рукописные певческие книги периода Студийского устава. Таких источников датируемых XI–XIV вв. более 150. Приблизительно треть из них – нотированы.

Система древнерусской певческой книжности, сложившаяся в Студийскую эпоху, включает в себя как нотированные книги, в которых напев записан с помощью знаменной или кондакарной нотации, так и ненотированные памятники, сохранившие гимнографические тексты. Такие рукописи иногда содержат редкие вкрапления нотных знаков (точнее было бы говорить о частично нотированных рукописях). О певческом предназначении таких рукописей указывают: указания на глас, на подобие, расстановка знаков, указывающих строки напева (знаки высокой точки) и отсутствие текстов, предназначенных для чтения за богослужением.

Самые древние книги – это Кондакари (появились на рубеже XI–XII вв.), Стихирари и Ирмологии (XII в.), позднее – Октоихи (не ранее XIII в.). Список Алексеевского Студийского устава переведен с греческого в 60–70 гг. XI в. в Киево-Печерском монастыре.

Н. Заболотная выделяет в Студийской эпохе три периода: ранний (конец XII – начало XII вв.), центральный период (XII–XIII вв.) и поздний (XIV – начало XV вв.) [2, с. 277].

В немногочисленных памятниках раннего периода 2 рукописи нотированных Кондакарей, ненотированные Минеи и Цветная Триодь (с включением отдельных знаков нотации) гимнографический материал в нотированных и ненотированных рукописях организован по-разному: Кондакари содержат основной раздел, который построен по жанровому принципу и снабжен кондакарной нотацией. Основной раздел содержит кондаки минейного и триодного цикла, а так же воскресные кондаки восьми гласов. Следующий раздел Кондакарей – различные осмогласные песнопения, нотированные знаменной нотацией. Часть их с конца XV в. вошла в Октоих, а затем в Обиход.

Ненотированные Минеи и Триодь построены по литургическому принципу – т.е. по порядку чинопоследования. Нотация в таких сборниках почти незаметна (присутствуют отдельные знаки или сочетания), регулярно встречается только знак фиты. Поэтому несом-

ненно, что эти книги предназначались для пения. Интересно, что и в дальнейшем прослеживается та же связь: многожанровые сборники нотированы, а сборники-чинопоследования – не нотированы.

Не сохранились рукописи певческих книг раннего периода, такие как Октоихи и Ирмологии, без которых трудно осуществить богослужбное пение в течение всего года. На эти книги имеются отсылки в Уставе и в рядовых певческих рукописях. Отсутствие списков с вышеупомянутых книг можно объяснить постоянным их использованием, заучиванием наизусть в процессе обучения песнопений из этих сборников и пение их наизусть во время богослужения.

Преобладающие положение среди рукописей Центрального периода занимают Минеиный и Постный Стихирари. В этот период появляются нотированные списки Ирмология. Ирмологии в Студийскую эпоху еще очень редки. В этот период продолжают создаваться и Кондакари, складывается основной корпус нотированных певческих источников.

Певческая информация в рукописях обусловлена функциональным назначением книг. Те из них, которые построены по литургическому принципу, и использовались только как служебно-певческие книги изредка лишь снабжены певческими знаками. К таким рукописям относятся Минеи и Триоди.

Иные – нотированные Стихари – содержат подробную нотацию напева. Несомненно, Стихари содержали апробированные певческие образцы и служили справочным пособием для певчих.

Подобное соотношение характера нотации и функциональности той или иной книги наблюдается постоянно.

Книги центрального периода использовались многими поколениями исполнителей, неоднократно сверялись и редактировались, что подтверждается обилием маргинальных записей, которые относятся к XIV–XVI вв. Поэтому, рассматривая книги позднего периода студийской певческой книжности, необходимо рассматривать и книги, созданные в этот период, и книги предшествующего периода, которые сохранили свое практическое значение.

В позднем периоде состав певческих книг пополняется. Появляются сборники, построенные на основе Изборного Октоиха, Параклитика или Шестоднева. Возрастает доля нотированных рукописей. Даже многожанровые книги могут появляться без нотации, хотя нотация – традиционный признак этих книг. Отказ от нотации происходил по разным причинам. Во-первых, выписывались гимнаграфические тексты, прежде не включавшиеся в данные книги; во-вторых, шел процесс обновления напевов, который привел к форме знаменного письма в середине XV в. Нельзя исключать и возможный упадок письменной традиции.

Рукописное наследие позднего периода Студийской эпохи свидетельствует о неизменном приоритете слова перед напевом, а также об усилении устного элемента в богослужбном пении, т.е. музыкального предания, которое служило основным методом передачи

певческой информации.

Таким образом, древнебелорусская музыкально-певческая культура развивалась параллельно древнерусской музыкально-певческой культуре. В церковном богослужении использовались типичные певческие сборники, которые привозились в Полоцкое княжество из Киевских монастырей. Богослужебно-певческая культура Полоцкого княжества развивалась на основе Студийско-Алексиевского устава. Богослужебно-певческие книги означенного периода свидетельствуют о многовариантности эволюции богослужебно-певческого искусства, опору на богослужебный канон. В развитии древнебелорусской певческой книжности не было единообразия, несмотря на то, что в основе средневекового искусства лежал канон.

Примечания

¹ Песнопения в Ирмологионах XVII–XVIII вв. записаны пятилинейной нотацией киевской квадратной нотой.

² В настоящее время этот монастырь называется Свято-Евфросиниевский монастырь и находится он в г. Полоцке.

Список использованных источников

1. Густова Л. А. Музыкально-певческая культура Православной Церкви Беларуси / Л. А. Густова. – Мн. : Бестпринт, 2006. – 169 с.

2. Заболотная Н.В. Древнерусские певческие рукописи эпохи студийского устава как источник сведений о богослужебном пении / Н.В. Заболотная // Церковные древности : сб. докладов конференции (27 января 2000 г.) / Отд. религ. образования и катехизации Русской Православной Церкви ; VIII Рождественский образовательные чтения ; науч. ред. С. А. Беляев. – М., 2001. – С. 272–283.

3. Касцюкавец Л.П. Беларускі рукапісны ірмалой / Л.П. Касцюкавец // Помнікі мастацкай культуры Беларусі. Новыя даследаванні : зб. арт. / Акад. навук БССР. Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэд. С.В. Марцэлеў. – Мн. : Навука і тэхніка, 1989. – С. 149–154.

4. Конотоп А.В. Супрасльскі Ирмологіон 1598–1601 гг. і теорыя транспазіцыі знаменнага распева: на матэрыяле певчэскіх і ноталінейных рукапісаў XVII в. : автореф. дис. ... канд. мастацтвазнаўства : 17.00.02 / А.В. Конотоп ; Ін-т гісторыі і мастацтвазнаўства. – М., 1974. – 29 с.

5. Лабынцев Ю. А. Воссиявший нам на Руси. Первое печатное собрание сочинений святителя Кирилла Туровского / Ю. А. Лабынцев ; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики, Бел. гос. ун-т транспорта. Центр белорусовед. ; О-во Кирилла Туровского ; предисл. В. С. Селицкого. – Гомель ; Мн., 1996. – 45 с.

6. Лабынцаў Ю.А. “Напой росой благодаті” : малітоўная паэзія Кірылы Тураўскага. – Мн. : Маст. літ., 1992. – 234 с.

7. Левшун Л. В. История восточнославянского книжного слова XI–XVII веков / Л. В. Левшун. – Мн. : Экономпресс, 2001. – 352 с.

8. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – М. : Наука, 1979. – 352 с.

9. Лотман Ю. В. Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю. В. Лотман. – Л. : Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1972. – 271 с.

10. Нікалаеў М. Палата кнігапісная. Рукапісная кніга на Беларусі ў Х–XVIII стагоддзях / М. Нікалаеў. – Мн. : Маст. літ., 1993. – 239 с.

11. Шевчук Е. Беларусь. Церковное пение. Древнерусский период (X–XVII вв) / Е. Шевчук // Православная энциклопедия. – М., 2002. – Т. 4. – С. 497–501.

12. Ясіноўскі Ю.П. Беларускія Ірмалі. Помнікі музычнага мастацтва XVI–XVIII стст. // Мастацтва Беларусі. – 1984 – № 11. – С. 50–55.

13. Ясиновский Ю. П. Источниковедческие проблемы древнерусского певческого искусства. К вопросу о типологии певческих рукописей / Ю. П. Ясиновский // Музыкальная культура средневековья : сб. науч. тр. / Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. А. Рублева ; сост. и отв. ред. Т. В. Владышевская. – М., 1992. – Вып. 2. – С. 98–99.

14. Ясиновський Ю. Українські та білоруські нотолінійні Ірмалі XVI–XVIII століть : каталог і кодикологічно-палеографічне дослідження. – Львів : Місіонер, 1996. – 521 с.

ИЗ ИСТОРИИ БИБЛИОТЕКИ ЖИРОВИЦКОГО МОНАСТЫРЯ: ЖИРОВИЦКИЕ РУКОПИСИ В БИБЛИОТЕКЕ АКАДЕМИИ НАУК ЛИТВЫ

Морозова Надежда Афанасьевна, доктор гуманитарных наук, доцент кафедры славянской филологии Вильнюсского университета (Литва)

Начальный этап существования библиотеки Жировицкого монастыря практически не документирован. Описи монастырского имущества появляются лишь в первой половине XVIII в. – первая известная опись ризницы относится к 1731 г. [Архив СПБИА РАН, кол. 52, № 295, см.: 12, с. 139, № 130]. Некоторое представление о составе библиотеки до середины XVIII в. можно получить лишь на основании колофонов и вкладных записей на страницах сохранившихся печатных и рукописных книг. Тем не менее отождествление жировицких книг значительно облегчается тем, что в 1758 г. все наличные книги монастырской библиотеки были подписаны по листам по нижнему полю: «Сия книга есть з библиотеки монастыря Жировицкого чину Василия Великого 1758 Anno подписана», а на внутренней стороне досок переплета и некоторых страницах дополнительно были проставлены характерные жировицкие шифры. Обращаем внимание, что наличие шифра или подписи указывает лишь на то, что книга в 1758 г. находилась в монастырской библиотеке и ни в коей мере не означает, что, например, рукопись середины или конца XV в., подписанная в 1758 г., находилась в монастыре с момента его основания, если в кодексе нет дополнительных записей или мы не располагаем какими-либо косвенными доказательствами его пребывания там. Иными словами, на